

Оглавление

Список сокращений	5
Как родилась идея книги (предисловие).....	7
Введение.....	10
Актуальность темы и важность исторической памяти.....	10
Анализ степени изученности проблемы	11
Объект и предмет исследования. Хронологические рамки и географические границы исследования.....	28
Цель и задачи исследования.....	29
Источники и методика исследования	30
Обзор источников.....	31
Методология исследования.....	34
Методы исследования	34
Научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.....	35
Апробация исследования	36
Раздел 1. Происхождение названий куреней Запорожской Сечи: историко-географический анализ и попытки объяснения	37
Раздел 2. Откуда, как и когда могли прийти в Сечь основатели куреней. Списки куреней и топография Сечи	101
2.1. От таблицы к картографированию результатов. Откуда и как могли попасть в Запорожскую Сечь основатели куреней?.....	101
2.2. Сколько было куреней в Запорожской Сечи и увеличивалось ли их количество? (Опровержение фантазий академика М. Е. Слабченко).....	110
2.3. Что можно считать Запорожской Сечью и когда возникли её курени?.....	125
2.4. Предварительное обоснование гипотезы о реформе Сечи и 38 куренях.....	144
2.5. Анализ списков куреней Запорожской Сечи и вопрос о топографическом размещении куреней.....	155
2.6. От списков куреней к анализу топографических планов, рисунков и описаний	162
Раздел 3. Бывшие запорожцы в Османской и Российской империях: два опыта социальной организации и судьбы куреней	181
3.1. Попытки возродить Сечь в Османской и Австрийской империях в 1775–1787 гг.....	181
3.2. Черноморское войско верных казаков и его курени в 1787–1792 гг.	191
3.3. Запорожцы в Задунайской Сечи, в Усть-Дунайском Буджакском, Дунайском и Азовском казачьих войсках: разные судьбы куреней.....	203
Раздел 4. Судьбы куреней и их названий на Кубани.....	217
4.1. Почему Екатеринодар не стал Новой Сечью?	217
4.2. Превращение куреней в куренные селения Черноморского казачьего войска	236
4.3. Как куренные селения Черномории стали станицами.....	252
4.4. Исторические судьбы станиц, унаследовавших названия запорожских куреней.....	268
Заключение.....	289

Список использованных источников и литературы.....	298
Источники	298
Литература.....	308
Литература на иностранных языках.....	339
Диссертации и авторефераты диссертаций.....	340
Электронные ресурсы	341
Приложения.....	342
Приложение 1. Населённые пункты, вероятно, давшие названия куреням Запорожской Сечи.....	342
Приложение 2. География населённых пунктов, от которых могли произошли названия куреней Запорожской Сечи.....	344
Приложение 3. Названия запорожских куреней в текстах С. Мышецкого, А. Скальковского, Д. Эварницкого, в Реестре 1756 г., а также черноморских куреней в переписи 1793–1794 гг. и по данным В. Соловьёва	345
Приложение 4. Церковь, рада и курени запорожские, 1773 г. (варианты рисунка)	348
Приложение 5. Избрание кошевого атамана в Запорожской Сечи. Рисунок А. И. Ригельмана	350
Приложение 6. Печать Коша Войска Черноморского и Печать Усть-Дунайского Буджакского казачьего войска.....	351
Приложение 7. Фрагмент «Этнографической карты Европейской Турции и автономных вассальных государств» Гийома Лежана (Carte ethnographique de la Turquie d'Europe et des états vassaux autonomes par G. Lejean // Lejean G. Ethnographie de la Turquie d'Europe. Gotha: Justus Perthes, 1861).....	352
Приложение 8. Екатеринодарская крепость на «Генеральном плане крепости и города Екатеринодара войска Черноморского с показанием производимых и вновь предполагаемых работ» (подписан 30 сентября 1818 г. инженер-поручиком Барашкиным).....	353
Приложение 9. План Екатеринодарской крепости, составленный В. А. Соловьёвым, с уточнениями А. М. Авраменко.....	354
Приложение 10. Населенные пункты Кубани, названия которых происходят от запорожских куреней	355
Приложение 11. География населенных пунктов Кубани, названия которых происходят от запорожских куреней	358
Примечания	359
Сведения об авторе.....	422

Список сокращений

- А. А. — Анатолій Авраменко
АН УРСР — Академія наук Української Радянської Соціалістичної Республіки
в. — век, века
ВУА — Военно-Учёный Архив Главного управления Генерального штаба
Вып. — выпуск
ГАКК — Государственный архив Краснодарского края
гг. — годы
ГИМ — Государственный исторический музей (г. Москва)
Д. — дело
ЕІУ — Енциклопедія історії України
ЕКВ — Екатеринославское казачье войско
ЗООИиД — Записки императорского Одесского общества истории и древностей
ИМСИТ — Институт маркетинга и социально-информационных технологий
К. — Киев, Київ
КГИАМЗ — Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына
КЖЮР — «Культурная жизнь Юга России» (Краснодар)
ККВ — Кубанское казачье войско
КОРГО — Кавказское отделение Императорского Русского географического общества
КС — «Киевская старина»
Л. — лист
М. — Москва
м. п. — мужского пола
НБУВ — Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського
НТШ — Наукове товариство імені Шевченка
ОЛИКО — Общество любителей изучения Кубанской области
Оп. — описание
пгт — посёлок городского типа
прил. — приложение
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
рр. — роки
с. — страница
СПб. — Санкт-Петербург
ст. — столетие
стб. — столбец
Т. — том
УАЩ — Український археографічний щорічник
УДБКВ — Усть-Дунайское Буджакское казачье войско
УІЖ — Український історичний журнал

УРЕ — Українська радянська енциклопедія

Ф. — фонд

ЧКВ — Черноморское казачье войско

ЧМОИиДР — Чтения в Московском обществе истории и древностей российских

ЭСИК — Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времён до октября 1917 года

N Y — New York

Робота з джерелом — це азартна гра, таке собі розгадування кросворду.
проф. Н. М. Яковенко,
2016 р.

Историк — это, по преимуществу, источниковед.
В. П. Булдаков, 2019 г.

Как родилась идея книги (предисловие)

Идея этой книги родилась случайно. Крупнейший кубанский украинист В. К. Чумаченко (1956–2017)¹ часто привлекал разных исследователей к изучению интересных тем, умело соединял части мозаики в единую картину и фактически выполнял функции руководителя небольшого научно-исследовательского института, никогда формально не существовавшего. Иногда он показывал только что полученную из Украины книгу, но давал прочитать её при условии, если я напишу рецензию. Приходилось соглашаться².

Однажды Виктор Кириллович убеждал меня в необходимости написать доклад и выступить на конференции, но я был очень занят, и в ответ на настойчивые призывы в шутку сказал, что попытаюсь рассказать учёной публике о происхождении названий запорожских куреней. Мы оба посмеялись, понимая, что тема тупиковая — не сохранилось никаких достоверных источников, которые давали бы ясный ответ по данному вопросу. Сами запорожцы в XVIII веке не смогли бы объяснить эти названия — ведь письменные свидетельства отсутствовали, а народная фантазия заменить их не могла. Неудивительно, что многие авторы ограничивались поверхностными суждениями, а прочие даже не пытались решить проблему.

Мы обсуждали ещё какие-то вопросы, но в конце разговора настойчивый В. К. Чумаченко снова просил подумать над темой доклада. Почему-то возникшая случайно мысль не покидала меня, и вдруг пришла в голову идея — попытаться нанести на карту населённые пункты, от которых могли произойти названия куреней Запорожской Сечи. Несомненно, это делали и до меня, но хотелось самому увидеть результат. Неожиданно тема увлекла, появились попутные находки, и в итоге был сделан доклад, где я сообщил о предварительных итогах, продемонстрировал составленную картосхему. Но попытки написать на основе доклада статью для сборника привели к тому, что материал продолжал разрастаться и превращаться в брошюру, а затем — в эту книгу. В начале 2019 г. был опубликован её фрагмент, касающийся изменений в географии населённых пунктов Кубани, названия которых происходят от запорожских куреней³ (в выходных данных сборника указан 2018 г., но фактически он был издан позже).

Начав с конца, я выполнил наиболее лёгкую часть исследования — объяснение наименований кубанских станиц, основанных после переселения Черноморского казачьего войска на Кубань, можно установить на основе сохранившихся архивных документов. Выяснилось, что к названиям запорожских куреней имеют отношение 48 городов и станиц современного Краснодарского края, причём у некоторых из них нет генетической связи между старым запорожским названием и происхождением жителей населённого пункта

(когда новому поселению давали название исчезнувшего куренного селения, чтобы сохранить историческую память). В ряде случаев названия искажены, а у трёх станиц полностью утрачены.

Вместе с тем накапливался материал о географии населённых пунктов, от которых могли произойти названия куреней, неожиданно удалось найти закономерность в списках куреней в реестрах XVIII века и публикациях разных авторов, отсюда появились идеи о возможных путях реконструкции топографии Запорожской Сечи данного периода. Книга стала включать разные аспекты исторической географии, ономастики (особенно топонимики), источниковедения, археологии и культурного наследия.

Особенно большую роль сыграла возможность ознакомиться с монографией М. Е. Слабченко, пытавшегося разобраться в этих сложнейших вопросах ещё в 1920-е годы. Найти книгу помог львовский историк Андрей Богданович Гречило, за что я ему очень благодарен. Изучение монографии М. Е. Слабченко позволило проверить мои собственные предположения, а накопленный материал из разных источников давал возможность, в свою очередь, дать оценку тем или иным суждениям и выводам академика, репрессированного в 1930 г., чьё научное наследие только в последнее время стали подвергать анализу украинские учёные.

В современной России данная тема не представляется актуальной, особенно теперь, когда многие исследователи игнорируют украинскую тематику из конъюнктурных соображений, либо из-за незнания языка. Даже в тех случаях, когда рассматривается дореволюционная история Украины, чаще всего это делается в контексте российской или польско-литовской истории, нередко на основе давно устаревших концепций. В. В. Ластовский вполне справедливо пишет, что «неотъемлемой болезнью современной российской историографии в вопросах, касающихся истории Украины, является симптом игнорирования украинской научной литературы, в первую очередь — современной»⁴. Более уместным было бы заменить здесь слово «симптом» на «синдром».

Однако на Кубани, где живут потомки черноморских казаков — наследников Запорожской Сечи, эта тематика чрезвычайно важна, тем более, что здесь десятилетиями история казачества замалчивалась, или искажалась. Несмотря на обилие публикаций по казачьей тематике, появившихся с начала 1990-х годов, качественных исследований среди них немного, а проблемы, связанные с ранней историей черноморского и особенно запорожского казачества, обычно разрабатываются весьма поверхностно (исключение составляют лишь основательные труды Б. Е. Фролова и О. В. Матвеева). С одной стороны, это связано с политической конъюнктурой и связанными с ней фальсификациями истории, с другой стороны — сказывается разрыв с Украиной, возникший из-за имперских амбиций «старшего брата» и стремления навязать свои дружеские объятия. В результате кубанские исследователи крайне редко могут ознакомиться с новейшими украинскими публикациями (многие даже не пытаются их искать), а учёные Украины имеют не менее примитивное представление о новейшей кубанской историографии.

Созданная в 2006 г. Краснодарская краевая общественная организация «Содружество Кубань — Украина», возглавляемая И. М. Скибицкой, вопреки официальной политике, пыталась поддерживать научные и культурные связи между Украиной и Кубанью — было проведено 10 научных конференций, опубликовано 7 сборников статей, привлёкших внимание исследователей.

Приезжавшие в Краснодар учёные и общественные деятели из Киева, Одессы, Днепрпетровска, Запорожья, Донецка, Харькова и других городов знакомили участников с новейшей литературой, изданной в Украине, и сами получали много нового и полезного для себя. События 2014 г. нанесли непоправимый удар по этим связям. Мне, как автору данной книги и украинскому исследователю, живущему многие годы на Кубани, хотелось бы внести свой вклад в сохранение исторической памяти, попытаться противостоять безумию вражды, указать кубанцам на их исторические корни, а украинским читателям напомнить о потомках запорожских казаков, волею судьбы оказавшихся на Кубани и перенёсших туда названия куреней Запорожской Сечи, превратившиеся со временем в наименования современных станиц и двух городов.

декабрь 2021 года

Введение

Актуальность темы и важность исторической памяти

Выяснить происхождение названия населённого пункта, в котором живёт человек — такое же естественное желание, как узнать свою родословную. Это часть нашего культурного наследия. Однако названия бывших куренных селений, соответствующих куреням Запорожской Сечи, таят в себе много неразрешимых загадок. Но потребность в сохранении исторической памяти существует, что и порождает попытки объяснения названий. Из-за отсутствия подлинных источников нередко возникают фантастические версии, получившие широкое распространение. Накопление заблуждений среди кубанских краеведов превратилось в устойчивую традицию, формирующую массовые ложные стереотипы. Так, Фёдор Епатко, назвавший себя потомком запорожского казака, выразил убеждение: «если Шкуринский курень назван по имени атамана Шкуры, а курень Кисляковский по названию озера Кислого и поселения Кисляковка, то курень Куцевский, можно предположить, назван по фамилии атамана. Ибо ни селений, ни речек, ни озера не было с таким названием»⁵. Здесь во всех трёх случаях происхождение названий указано неверно. К тому же автор высказывания продемонстрировал свою географическую некомпетентность. Патриотическое воспитание и формирование основ культуры не может строиться на небывлицах и суррогатах.

Украинский историк М. М. Кордуба ещё в 1924 г. предупреждал: «так называемое этимологизирование требует соответствующей методической подготовки, основного знания правил звуковых изменений, исторической грамматики. Кто без этого берётся за такое дело, тратит напрасно труд и приносит для науки больше вреда, чем пользы»⁶. В 1945 г. академик С. Б. Веселовский, говоря о применении топонимики в исторических исследованиях, писал, что «совершенно недопустимо неразборчивое собирание материала и затем употребление его без предварительной критики»⁷. Позже опытные топонимисты не раз предостерегали исследователей о недопустимости легковесных надуманных суждений при анализе материала⁸. Но любительский уровень абсолютного большинства публикаций краеведов, увлекающихся топонимикой, породил множество недоразумений, получивших широкое распространение.

Выяснение мест происхождения куренных названий неизбежно ставит перед исследователем новые вопросы — почему именно там, когда это могло произойти, было ли возникновение куреней поэтапным, либо они появились все сразу и т. д. Кроме того, сами перечни куреней кажутся бессистемными и случайными, но ведь и там может быть обнаружена закономерность. Опыт проведённого исследования показывает, что имеющиеся источники позволяют сформулировать ряд обоснованных предположений, которые открывают путь к пониманию топографии куреней и лучшему пониманию их сущности.

Для кубанцев не менее важно понять, как курени превратились в куренные селения, а последние — в станицы. Какие из старых запорожских традиций сохранялись, как долго это было и в чём выразалось? Можно ли считать, что современные кубанские казаки — потомки запорожцев, или это сильное преувеличение? Как сложились исторические судьбы станиц, названия которых

восходят к запорожским куреням, и правомерно ли отмечали 200-летние юбилеи станиц в 1994 году? Эти и некоторые другие вопросы требуют решения. Известный московский учёный Н. Ф. Бугай, автор двух огромных книг о своей родной станице Старотитаровской, пишет: «Украинские ученые историки, подготовив о каждой из своих областей огромные насыщенные информационным материалом издания, заметно продвинулись вперед. Было бы полезным и в Краснодарском крае издать обобщающий труд в 2–3 томах по истории казачьих куреней»⁹. Необходимость такой работы не вызывает сомнения, но надо обратить внимание и на происхождение куреней. Однако на Кубани нет исторических источников, которые позволяют заглянуть в прошлое ранее конца XVIII века. Для ответа на поставленные вопросы необходимо обратиться к многочисленным публикациям как дореволюционного периода, так и к современным украинским изданиям, о которых чаще всего на Кубани не знают.

Анализ степени изученности проблемы

1. Измышления кубанских дилетантов

Один из моих студентов в дипломной работе, посвящённой его родной станице Васюринской, всерьёз рассматривал версию о происхождении названия от легендарного казака Васюрина, хотя опирался в данном случае на народную этимологию, не имеющую отношения к реальным источникам. Эта же нелепая версия сообщается на официальном сайте Васюринского сельского поселения: «Название станица получила еще со времен существования Запорожской сечи и названа в честь удалого запорожца Ивана Васюрина»¹⁰, хотя источники такого казака не упоминают, и всё его «удальство» — плод воображения. Кроме того, автор цитируемого текста даже не понял, что станица не могла получить название со времен существования Запорожской Сечи уже потому, что Сечь была ликвидирована в 1775 г., а Васюринское куренное селение возникло в 1794 г.

Возможно, данную версию заимствовали из книги краеведа И. А. Шереметьева, отразившего народную этимологию, не имеющую никаких исторических подтверждений: «Васюринская названа по имени одного из запорожских куреней, а курень получил это имя в честь его основателя — удалого запорожца Ивана Васюрина»¹¹. Эту версию без ссылки на источник дословно воспроизвёл краснодарский архивист Г. Т. Чучмай¹², которого можно считать основоположником многих заблуждений, распространённых сейчас на Кубани. Его репутацию во многом поддерживало то, что он в 1973 г. перевёз часть архива Ф. А. Щербины в Краснодар из Праги. Кроме того, Г. Т. Чучмай был в 1945–1951 гг. директором Государственного архива Краснодарского края, что предполагает определённую эрудицию.

После долгой переписки он смог убедить хранителя данного архива М. Х. Башмака, что лучшее место для документов — Государственный архив Краснодарского края. Однако М. Х. Башмак, справедливо опасавшийся, что в условиях коммунистической диктатуры многое из уникальных материалов пропадёт, передал Г. Т. Чучмаю только некоторые документы, а большую часть архива тайно отправил в США, о чём краснодарский архивист даже не догадывался. Поэтому В. К. Чумаченко сделал обоснованный вывод: «ныне остаётся говорить не о том как кубанцы добыли архив Ф. Щербины, а,

напротив, как они его утратили»¹³. Г. Т. Чучмай даже не понял, почему в 1964 г. М. Х. Башмак сообщил о 222 наименованиях, а спустя годы представил ему только 57, из которых доставить в Краснодар удалось лишь 32 наименования — по дороге архивиста ограбила бдительная советская таможня — опасения М. Х. Башмака подтвердились. Г. Т. Чучмай не придумал ничего умнее, как везти ценнейший груз в двух чемоданах, как обычный пассажир, поэтому результат был предсказуем. Судьба изъятых материалов неизвестна до сих пор. Лишь многие годы спустя всё это выяснил В. К. Чумаченко и, используя личные связи, сумел в 2008 г. получить из Нью-Йорка копии наиболее ценной части материалов Ф. А. Щербины.

Зная это, становится понятным, что Г. Т. Чучмай, к сожалению, не обладал талантом исследователя (какой был у В. К. Чумаченко) и не мог добиться лучшего результата. Он не вникал в тонкости научного поиска и допускал необоснованные дилетантские суждения в своих публикациях. Но ему верили, как старому архивисту. Небольшой очерк «Казачьи курени» в книге Г. Т. Чучмая о топонимии Кубани¹⁴ стал источником многих недоразумений, которые широко распространяются без ссылки. Примеры будут приведены в соответствующих местах.

Ещё хуже то, что сам Г. Т. Чучмай не был добросовестным автором — некоторую часть информации о происхождении названий куреней он почти буквально заимствовал (допустив плагиат!) у краеведа-дилетанта С. И. Вахрина, который недолго жил в Краснодаре, собирал соответствующую информацию в 1978–1980 гг. для топонимического словаря, а в начале 80-х уехал в Петропавловск-Камчатский. Его текст почти полтора десятилетия хранился в единственном экземпляре в краевом архиве и лишь затем был издан в Армавире, с согласия автора.

С. И. Вахрин привёл краткую информацию о 19 станицах (Динская, Ивановская, Ирклиевская, Калниболотская, Каневская, Канеловская, Кисляковская, Крыловская, Кущёвская, Медведовская, Переясловская, Пластуновская, Старовеличковская, Стародеревянковская, Староджерелиевская, Старокорсунская, Староминская, Старонижестеблиевская, Старотитаровская) и 2 городах (Кореновск, Тимошевск), названия которых происходят от куреней Запорожской Сечи¹⁵. Станица Ленинградская не упомянута, зато об Уманском курене сказано в статье «Уманский поселок» (с. 67).

Некоторые суждения выглядят наивными, например о том, что Кущёвский курень, возможно, «получил название по имени казачьего атамана Кущи, который в 1637 г. был назначен Потоцким войсковым судьей казачьего реестрового (состоявшего на службе у поляков) запорожского войска». При этом сделана ссылка на книгу В. А. Голобуцкого, где без всякой связи с куренями упоминается не Куща, а Куша, казнённый в 1637 г.¹⁶ Г. Т. Чучмай почти буквально повторил эту нелепую версию, без ссылки на источник: «курень, возможно, получил название по имени казачьего атамана Кущи, который в 1637 году был назначен Потоцким войсковым судьей казачьего реестрового (состоявшего на службе у поляков) запорожского войска»¹⁷. С тех пор придуманный «Куща» неоднократно появлялся в сочинениях краеведов также без ссылки на источник (что показывает их низкий качественный уровень), в том числе в «энциклопедическом» словаре И. П. Лотышева и книге В. Н. Ковешникова¹⁸.

Согласно С. И. Вахрину, Медведовский курень был назван «по с. Медведково на р. Тясмин». Для уроженца Камчатки, временно жившего в Краснодаре, простительно спутать название «Медведевка» с историческим районом на северо-востоке Москвы, но как мог краснодарский архивист Г. Т. Чучмай, не задумываясь, буквально повторить (тоже без ссылки) ту же ошибку?¹⁹ Ведь должен был обратить на это внимание, будучи местным жителем. Эту же ошибку заимствовал и доктор филологических наук профессор В. П. Абрамов. Более того, он шесть раз на одной странице приводит нелепые варианты: *Медведково*, *Медведковская*²⁰.

Неправомерно ссылаясь на книгу В. А. Голобуцкого, С. И. Вахрин написал, что название Величковского куреня, возможно, «связано с именем кошевого атамана, избранного в 1663 г., Ивана Иваненко-Величко» и добавил ничего не доказывающие подробности. Г. Т. Чучмай дословно переписал восемь строк, не вдумываясь в содержание и снова без указания авторства текста. Однако В. А. Голобуцкий и в данном случае упоминал Иваненко-Величко без какой-либо связи с названием куреня²¹.

Джерелиевский курень, согласно С. И. Вахрину, название «возможно, получил по имени реестрового казака Филона Джалалия, принявшего вместе с другими запорожскими реестровыми казаками (то есть, находящимися на польской службе) стороны Богдана Хмельницкого и избранного старшим среди этих казаков». Здесь снова дана сноска на книгу В. А. Голобуцкого, где Джалалий упоминается, но без куреня. Фраза сформулирована стилистически безграмотно и невразумительно, название куреня никак не увязано с Джалалием, но Г. Т. Чучмай и в данном случае всё воспроизвёл дословно в своей книге, прибегнув к плагиату²². Эту фразу заимствовал (без ссылки) и профессор В. П. Абрамов²³, не пытаясь её критически осмыслить. Отголоски этой странной версии могут перейти и в другие сочинения наивных кубанских краеведов.

Староминская, по С. И. Вахрину, «названа по запорожскому куреню Минскому или Менскому. Если рассматривать гипотезы о происхождении названия куреней, то можно предположить, что он назван по пограничному посту на реке Мене. [...] Но, возможно, куренное название связано с именем казачьего атамана Минь». Г. Т. Чучмай почти дословно переписал эти ничем не обоснованные версии, не упомянув автора текста²⁴. Вскоре в «Энциклопедическом словаре по истории Кубани» В. И. Шкуро сочинил, что формирование Менского куреня относится к концу XVI в., «когда не желавшие терять волю казаки стали большими партиями уходить в Запорожскую Сечь», название «связано с речкой Менка (Мена), проходящей по территории Белоруссии и Украины, по к-рой издревле проходил торговый путь. Основателями Менского (Минского) куреня вероятнее всего были выходцы из торгового города Менска (Минска) и селений, располагавшихся по речке Менка»²⁵. На несуразность соотнесения краснодарским архивистом запорожского куреня с белорусским Минском обратил внимание Р. П. Полевой²⁶.

Набор нелепостей, сочинённых С. И. Вахриным, Г. Т. Чучмаем и В. И. Шкуро, уже пустил глубокие корни в кубанском краеведении. И. П. Лотышев и профессор В. П. Абрамов заимствовали (без ссылки на источник) версию С. И. Вахрина — Г. Т. Чучмая²⁷. А В. Н. Ковешников изложил нелепость в ином варианте: «Запорожский курень, давший имя станице, назывался *Менский* — по названию речки Меня (так в тексте. — А. А.), что на

Украине»²⁸. В одном из подарочных изданий по истории станицы сказано, что запорожский курень Менский получил «свое название по пограничному посту на реке Мене (Черниговская область Украины). Этимология его до конца не раскрыта, и мы называем все бытующие в среде краеведов версии, хотя они и представляются во многом спорными. В Запорожье курень мог получить свое название в связи с проведением в нем ярмарок, торгов и меновых сделок». [...] «Возможно, куренное название связано с казачьим атаманом Мины»²⁹. Вскоре была опубликована юбилейная подарочная книга (составитель — В. Э. Широкобородов), где сказано следующее: «Свое название Менский (Минский) курень получил в связи с проведением в нём ярмарок, торгов и меновых сделок. В другой гипотезе упоминается украинская речка Мена, по которой проходила граница Речи Посполитой и татарского Дикого поля»³⁰. Непонятно, как авторы данных текстов представляют себе курень, в котором якобы могли проводиться ярмарки? Как вообще могла быть установлена граница с Диким полем? Но краеведы смело фантазируют, не представляя того, о чём пишут. Эту путаницу надо прокомментировать.

На самом деле длина речки Мена, на берегу которой находится одноименный город, всего лишь 70 км³¹ и она находится далеко от Беларуси. В Минской области есть речка Менка (Мена, Мень)³², но это, скорее ручей — около 7 км. Оба варианта свидетельствуют лишь о незнании географии автором энциклопедической статьи (В. И. Шкуро). Главное, читатель может сделать неверный вывод, что курень надо связывать с торговым городом Менском (Минском), который сейчас является белорусской столицей, где и находится едва заметная Менка, при том что Мену никогда не называли Менском или Минском. Самое удивительное, что заблуждения относительно происхождения названия данного куреня фиксируются уже в 1750 г., когда монах Леонтий (Лука Яценко-Зеленский), побывавший в Запорожской Сечи, временно пользовался покровительством куреня, который назвал «минским литовским»³³. Повидимому, он не спрашивал о происхождения названия у самих казаков.

Давая информацию о Старотитаровской, С. И. Вахрин написал: «вероятно, курень, где жили священники, они назвали Титовский (так в тексте. — А. А.) — от слова ктитор — священник». Эту нелепую фразу, без ссылки на источник, буквально переписал Г. Т. Чучмай вместе с опечаткой³⁴, даже не задумываясь, что ктитор — это не священник, а Титовский курень никогда не существовал. В. П. Абрамов воспроизвёл (без ссылки) версию о том, Старотитаровская — «от названия запорожского куреня Титаревского (от укр. “ктитор” — “священник”)), забыв, что в той же книге ранее им написана другая нелепость: название куреня Титаровского «происходит от фамилии атамана Титарова»³⁵. К тому же в украинском языке нет слова «ктитор».

Тимошевский курень, по представлениям С. И. Вахрина, возможно «назван в честь запорожского полковника Тимоша Федоровича, который в 1631 г. (правильная дата — 1621 г. — А. А.) действовал со своим 4-тысячным отрядом под Хотиным в составе войск Сагайдачного». Но если при этом С. И. Вахрин сделал ссылку на книгу Голобуцкого, то Чучмай, переписал текст Вахрина вместе с ошибками и опечатками, не упоминая предшественников, дополнив собственными вымыслами. Тимошевский курень, по мнению Г. Т. Чучмая, существовал «даже в Базалукской (так в тексте. — А. А.) Сечи (1594–1638 года). И в реестре войска Запорожского, подписанного 2 октября 1649 года самим гетманом Богданом Хмельницким, значится Тимашевский (так в тексте. — А. А.) курень. [...]

Возможно курень Тимашевский был назван в честь полковника Тимоша Федоровича, который в 1631 году (правильная дата — 1621 г. — А. А.) действовал со своим 4-х тысячным отрядом под Хотиным в составе войска Сагайдачного»³⁶. В. П. Абрамов заимствовал (без ссылки) следующее: «Есть версия, что курень получил имя в честь запорожского полковника Тимоша Федоровича, который в 1631 г. действовал со своим войском под Хотином»³⁷. В. Н. Ковешников свои фантазии изложил так: название поселение Тимошевское «получило от запорожского куреня Тимошина (?! — А. А.). Курень был назван в честь полковника *Тимоша*, отличившегося в сражениях с турками»³⁸.

Такой полковник, действительно, упоминается в двух компутах (реестрах) Войска Запорожского, составленных летом 1621 г.³⁹, но никакой связи с куренём там не прослеживается, какие-либо эпические подвиги, выделяющие этого полковника среди прочих, также не замечены. В Базавлукской Сечи, как и в Реестре 1649 г. Тимошевский курень (как и прочие запорожские курени) на самом деле не зафиксирован. Однако местные журналисты и краеведы распространяют небылицы о мнимой связи названия куреня с упомянутым полковником, будто других Тимошей среди казаков не было. Так, главный редактор тимашевской газеты «Антиспут» В. В. Лебедев пишет: «Вероятным его [куреня] создателем можно считать Тимоша Федоровича. Так, в списке казачьего войска, находившегося в 1621 году под Хотином, значится его пеший полк». Книга В. В. Лебедева выдержала уже четыре издания. Эта же версия отражена в публикации И. Белолипецкой в краснодарском журнале⁴⁰.

Часто представители местной администрации ссылаются на сочинения краеведов-любителей, хотя некоторые из них распространяют небылицы, лишь запутывая и без того сложный вопрос. Не имея специального исторического образования, они не знают основ источниковедения, но при этом проявляют бурную активность и публикуют то, что не имеет отношения к науке. В результате утраченная историческая память заменяется её суррогатами.

В 1920-е годы (которые называют «золотым десятилетием» отечественного краеведения, но в это же время были разгромлены университеты и прекращено преподавание истории) по всей стране активно велась работа с краеведами, им оказывалась методическая помощь. При Академии наук было создано Центральное бюро краеведения, имевшее отделения в Ленинграде и Москве. Однако развернувшиеся в СССР массовые репрессии привели к разгрому краеведения, поэтому новым поколениям энтузиастов приходилось начинать почти с нуля — многие фамилии предшественников были под запретом, а старые публикации стали почти недоступными.

Даже профессиональные историки, жившие на Кубани в советское время, старались не заниматься казачьей тематикой (исключения были крайне редкими и непродолжительными), чтобы не подвергнуться репрессиям. Многие труды дореволюционных авторов были недоступны, а доступные не были востребованы, либо изучались поверхностно. Когда в 1958–1962 и 1964 гг. сотрудники Института этнографии АН СССР осуществили серию экспедиционных выездов на Кубань (результатом которых стала коллективная монография, изданная в Москве), они здесь не нашли ни историка, ни этнографа, способного оказать квалифицированную помощь в изучении материала. Поэтому неудивительно, что в главе, написанной лингвистами — доцентами Краснодарского педагогического института Е. Ф. Тарасенковой и Е. П. Шейниной, содержится нелепое утверждение: «Слово курень у черноморцев обозначало самостоятельную часть

войска. К куреню приписывалось несколько сел, затем этим словом стали называть сами села. Когда в 1858 г. курень переименовали в станицу, это значение, естественно, отпало»⁴¹. Разумеется, сёла не приписывали к куреню, а станицами селения стали с 1842 г.

О крайнем упадке краеведения на Кубани в то время свидетельствует краткий топонимический справочник, изданный в 1974 г. ведущими региональными географами и другими краеведами — членами Географического общества СССР. Из 48 станиц и городов края, названия которых происходили от бывших куреней Запорожской Сечи (в том числе, переименованные в советское время), 37 (77 %) оказались не включёнными в книгу. Но даже в справках об 11 населённых пунктах, которые всё же попали в справочник, содержатся грубейшие ошибки. Так, в статьях о Кореновске и Красноармейской (Полтавской) сказано, что соответствующая станица основана в 1794 г. в числе первых куреней Черноморского казачьего войска и своё название «получила от поселения, существовавшего в Запорожской Сечи»⁴². По-видимому, авторы статей не понимали, о чём писали.

Удивительно, что даже в 2017 г. топонимические познания географов Кубанского университета остались на том же уровне. В учебном издании, по недоразумению названном «Словарём географических названий Краснодарского края», сообщается, что станица Полтавская получила название от поселения, существовавшего в Запорожской Сечи (автор статьи — Д. В. Сидорова)⁴³. Неужели географ не знает о существовании украинского города Полтава? Какое поселение могло существовать в Запорожской Сечи, если она сама была поселением? Такое же объяснение здесь дано и названию Уманского куреня (авторы статьи — Л. А. Морева и В. В. Миненкова)⁴⁴.

Постепенно краеведение стало оживать, особенно после падения коммунистического режима. Однако отсутствие финансирования и какой-либо государственной поддержки (из-за культурного одичания представителей власти) приводило к тому, что многие публикации носили случайный и бессистемный характер, даже справочные издания делались в спешке, с многочисленными пробелами и грубейшими ошибками (в том числе объёмная энциклопедия по истории дореволюционной Кубани⁴⁵, которую до сих пор вынуждены использовать за неимением лучшего). Одни краеведы изредка заседали в Краснодарском доме учёных, другие собирались в региональном отделении Русского географического общества, но большинство лишь эпизодически выступало с сообщениями на местных конференциях. Казалось бы, есть чему поучиться в Украине, где с 1993 г. регулярно издаётся прекрасный научный журнал «Краєзнавство» и краеведы объединены в мощную республиканскую организацию, но власти на Кубани предпочитают Украину не замечать.

Когда было объявлено о проведении I съезда краеведов Кубани в Краснодаре (1 декабря 2007 г.), появилась надежда, что уровень краеведческих публикаций будет возрастать, если появится специальный печатный орган, методический и координационный центр. Однако профессор В. Е. Щетнёв, возглавивший президиум съезда, неожиданно провозгласил, что мы собрались не для того, чтобы создавать новые бюрократические структуры, и каждый краевед вправе публиковать то, что считает нужным. В результате не был решён ни один вопрос, краеведы по-прежнему работают бессистемно, имеют слабое представление о работах друг друга, а уровень их публикаций часто не отвечает научным критериям.

Так, краевед Э. А. Широкобородов из станицы Староминской всерьез пишет, что на речке Мена, «являющейся естественной границей между Диким Полем и Речью Посполитой, много веков назад, возникло казачье поселение Мена, поставлявшее реестровых казаков для Черниговского полка Черниговской паланки Запорожской Сечи. В ней квартировали казачьи сотни второго и третьего призывов». По его мнению, «говоря о прародине первых реестровых казаков кубанского куреня, надо помнить, что искать свои родовые корни нам необходимо в Запорожской Сечи, в селении под названием Мена», не понимая, что Мена никак не могла находиться в Запорожской Сечи. Согласно Э. А. Широкобородову, в названии Конеловского куреня «мы видим два корня, которые могут прочитываться, как “ловля коней”»⁴⁶, ибо он не знает о существовании села Конела в Черкасской области (до 2020 г. — в Жашковском районе, с 2020 г. — в Жашковской городской громаде Уманского района). О «поселении Мена в Запорижьи» Э. А. Широкобородов пишет и в другой своей публикации⁴⁷.

Комментарий к вымыслам данного краеведа занял бы намного больше места, чем процитированные тексты. Полагаю, что украинские историки запорожского казачества, прочитав этот абзац, смеялись бы не меньше, чем казаки на картине И. Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Это лишь один из примеров, но таких краеведов немало.

Ошибки краеведов можно понять, если у авторов нет базового исторического образования, но нелепости допускают и люди с учёной степенью. Так, Н. А. Тернавский, работавший директором историко-краеведческого музея в станице Елизаветинской и с 1985 г. занимавшийся исследованием истории черноморского и кубанского казачества, издавший в Краснодаре Реестр Войска Запорожского 1756 года⁴⁸ (хотя и на любительском уровне), в короткой рецензии на книгу Н. Ф. Бугая о станице Старотитаровской⁴⁹ допустил ряд грубых ошибок. Впрочем, эта странная рецензия является конспективным изложением ранней истории станицы без ссылок на рецензируемую книгу, а в конце кратко сказано об авторе — Н. Ф. Бугае. Данным текстом Н. А. Тернавский доказал, что не умеет писать рецензии, не раскрыв ни достижений, ни ошибок автора. В свою очередь, Н. Ф. Бугай, будучи специалистом по истории XX века, в своей книге благодарил Н. А. Тернавского за консультации и предоставленные материалы, поэтому, скорее всего, авторство ошибок, касающихся истории куреня, принадлежит елизаветинскому краеведу.

В рецензии Н. А. Тернавского утверждается, что среди 38 куреней Сечи «был курень Ктиторовский (позднее Титаровский)», сообщается: «как славное рыцарское товарищество Титаровский курень не раз упоминается в гоголевском “Тарасе Бульбе”», хотя ссылка на художественное произведение здесь выглядит абсурдом, тем более, что Н. В. Гоголь не привязывал вымышленные им события к конкретной хронологии. Тут же сообщается, что «в конце августа 1792 г. в Тамани высадились пешая команда из 3,5 тыс. запорожцев»⁵⁰. Однако историки знают, что среди высадившихся черноморских казаков далеко не все были бывшими запорожцами. Наименование же Титаровского куреня «Ктиторовским» можно встретить лишь в крайне редких документах, написанных в середине XVIII в. либо в переводе с украинского, либо русскими писарями. В более ранних документах такого варианта названия нет. Эти фантазии о «Ктитаровском» курене и ссылки на повесть Н. В. Гоголя воспроизводятся в двух книгах Н. Ф. Бугая о его родной станице⁵¹, в полном соответствии с представлениями Н. А. Тернавского.

Другой краснодарский кандидат исторический наук — И. Ю. Васильев, считающий себя специалистом по украинской тематике, утверждает, что «Запорожская Сечь делилась на верхние и нижние курени, которые, как и новгородские стороны, активно боролись за политическое преобладание. Разные курени иногда были основаны представителями разных этносов: динской — великоруссами, минский — белорусами. Со временем и в них появилось много украинцев, однако самоназвание и организационная единица сохранились»⁵². Столь смелое и необоснованное суждение И. Ю. Васильев подкрепляет ссылкой на авторитет Д. И. Яворницкого, но на указанной им странице 17 ничего подобного нет. Более того, в данной книге с. 9–20 занимает статья академика В. А. Смолия «Летопись украинского казачества», написанная в качестве предисловия к первому тому «Истории запорожских казаков» Д. И. Яворницкого⁵³. Заблуждение И. Ю. Васильева не является исключением. В краеведческой литературе высказывалось даже утверждение о том, что «Запорожские поселения устраивались в виде полукружий с двух сторон — одна сторона носила название верхних куреней, другая — нижних»⁵⁴, чего никогда не было. Здесь, конечно, имеются в виду курени, которые поселениями в Сечи быть не могли.

К сожалению, встречаются фантазии в книгах и статьях по топонимии Кубани, написанных краснодарскими географами (А. В. Твёрдый, В. Н. Ковешников и др.) и архивистами (Г. Т. Чучмай, В. И. Шкуро, С. В. Самовтор), о чём будет сказано в дальнейшем. Порою ошибки объясняются незнанием истории и географии Украины. Например, А. В. Твёрдый написал, что станица Незамаевская «основана на месте *Незамаевского* куреня — одного из 38 запорожских куреней, переселившихся на Кубань в 1792–1793 гг. из Приднестровья. В Приднестровье курень *Незамаевский* был известен с середины XVI в.»⁵⁵. Здесь три нелепости: 1) на Кубань переселялись не запорожские, а черноморские курени, унаследовавшие названия от запорожских; 2) Незамаевскую станицу не основывали на месте куреня, так как с 1842 г. Незамаевское куренное селение, как и прочие, стали просто именовать станицей; 3) в Приднестровье ни один из сечевых куреней не мог появиться в XVI веке. В другом месте тот же автор утверждает, что курень Величковский «основан, предположительно, не ранее 1576 г. выходцами из с. Величкова Сосницкого повета (Черниговской губернии) после так называемой казачьей реформы польско-литовского короля Стефана Батория. По второй версии, название получил от кошевого атамана *Ивана Иваненко-Величко* (1662 г.)»⁵⁶. Не будучи историком, А. В. Твёрдый не понял, что не могло быть Черниговской губернии во времена Стефана Батория, да и название села ему следовало уточнить.

Порою люди, считающие себя вправе писать учебники для студентов, проявляют удивительную некомпетентность и распространяют нелепости. Так, в учебном пособии, изданном Кубанским аграрным университетом, утверждается, что «новым станицам часто давались названия тех станиц, откуда шло переселение с прибавлением слова «ново»: Старотитаровская — Новотитаровская, Староминская — Новоминская», что является домыслом⁵⁷. Намного больше ошибок содержится в учебном издании, выпущенным географами Кубанского государственного университета, где студенты могут прочитать, например, что станица Крыловская (до 1961 г. — Екатерининская) «основана в 1794 г. в результате переселения черноморских казаков Екатерининского куреня»⁵⁸, хотя этот курень до переселения казаков на Кубань не существовал.

Изучение публикаций современных кубанских авторов убедило, что здесь даже не пытались провести научное исследование происхождения названий первых куренных селений Черноморского казачьего войска.

Иллюстрацией полного непонимания сути Коша Войска Запорожского и куренного устройства Сечи современными кубанскими историками является отрывок из кандидатской диссертации В. В. Коваленко, защищённой в Кубанском университете в 2013 году: «Центром Сечи был Кош — своеобразная столица, часто менявшая свое место нахождения в связи со своим военизированным характером. Кош по своему внутреннему устройству был по сути идентичен устройству всего Запорожья. Он так же имел 38 куреней (бараков) для размещения призывников из каждого куреня на территории Сечи»⁵⁹. Комментарий к данному фрагменту занял бы слишком много места, но нелепости очевидны. Следует сказать, что научным руководителем соискательницы учёной степени был П. П. Матющенко, имеющий репутацию опытного историка, бывший тогда учёным секретарём докторского диссертационного совета. Процитированный фрагмент диссертации изрядно повеселил бы знатоков истории запорожского казачества из Украины, но ещё более нелепо утверждение о том, что «на территории Малороссии, польской Украины казачество, вошедшее в реестр, считалось привилегированным населением, имеющим статус дворянства-шляхетства»⁶⁰. Если бы это было так, реестровые казаки никогда бы не принимали участие в восстаниях. Неудивительно, что почти все современные кубанские историки боятся посылать украинским коллегам на отзыв свои тексты, касающиеся истории Запорожья, — их научная несостоятельность очевидна.

В последние годы мне приходилось слышать высокомерные высказывания некоторых столичных российских историков о том, что настоящая наука (историческая) делается только в Москве и Петербурге. В значительной мере это заблуждение, хотя концентрация источников в крупнейших библиотеках, архивах и музеях страны, конечно, даёт немалые преимущества жителям Москвы и Петербурга. В условиях отсутствия финансирования науки и огромных материальных затрат в столице, провинциальные исследователи могут иногда позволить себе лишь кратковременные набеги на архивы, что может быть лишь имитацией науки. Однако порочная (и преступная) система управления наукой в последнее время приводит к тому, что имитация науки часто производится и столичными авторами. Этому весьма способствует требование увеличивать количество рейтинговых публикаций, даже когда исследование далеко от завершения. Стремясь поскорее отчитаться по гранту, авторы производят тексты, вызывающие недоумение у специалистов.

Столичные историки, как правило, не могут позволить себе длительную работу в региональных архивах, поэтому имеют поверхностное представление о местном материале. Под руководством столичной научной «элиты» (термин очень спорный) складываются временные коллективы авторов, работающих в сжатые сроки, чтобы выполнить условия гранта. Привлекать независимых специалистов к обсуждению книги, которую надо быстро опубликовать — нет времени. Кроме того, есть опасность, что часть неопубликованного материала может быть присвоена конкурентами в ходе внешнего рецензирования и стать объектом плагиата. Сложившаяся практика даёт соответствующие результаты, когда книга, изданная в столице, вызывает возмущение в регионах, которым

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru